

Лексикография играет в жизни общества особую роль, поскольку значительная часть истории народа, его культуры реализуется через язык, а язык во всем его богатстве закрепляется в словаре.

«Словарь русских говоров Приамурья» вторым изданием вышел в Год русского языка, в преддверии юбилейного года г. Хабаровска и Хабаровского края, и это почти 25 лет со дня публикации его первого издания (М., 1983. 348 с.).

Словарь, подготовленный преподавателями хабаровского и благовещенского педагогических вузов Ф.П. Ивановой, Л.В. Кирпиковой, Л.Ф. Путятиной, Н.П. Шенкевец, – это своеобразная энциклопедия жизни, таланта, мудрости, «мастеровитости» первых русских переселенцев, пришедших на берега Амура во II половине XIX в. Это были забайкальские казаки, призванные охранять границу с Китаем. Словарь включает диалектную лексику и фразеологию говоров с севернорусской основой, которые распространены на территории Амурской области Хабаровского края и Еврейской автономной области (от с. Албазино до г. Хабаровска).

В первом издании словаря 7 тысяч словарных единиц, круг которых широк и разнообразен: здесь и диалектные названия, связанные с историей освоения русскими Приамурья, и названия, характеризующие человека, его быт, род занятий; средства передвижения, игры, обряды, названия природных явлений, животного и растительного мира:

наметать жребий – ‘бросить жребий. О жеребьевке, определявшей обязательное переселение из Забайкалья на Амур’; *гуран* – ‘прозвище жителей Приамурья, первых переселенцев из Забайкалья’; *гулами, ергач, козляк* – ‘одежда’; *орогда* – ‘ меховая охотничья шапка’; *арамузы, воротяшки, гусарики, олочи* – ‘обувь’; *орочонски рукавицы* (они же *дыроватки*). Многие из этих слов свидетельствуют о контактах русских с аборигенами Забайкалья и Дальневосточного края. Названия *башмак, грядилка, казулька, кривда, кулёма, куштан, морда* и др. несут в себе память о том, как и чем жители Приамурья возделывали целинные земли, добывали пушнину, ловили рыбу. Интересны названия некоторых природных явлений, типичных для дальневосточного

климата. Так, дождь в казачьем диалекте Приамурья имеет более десяти наименований: *гнилой дождь, гноющий дождь, мотросей, мукосей, сеногной, сеногнойник, сеногнойный дождь, ситник, тучной дождь* и др. Разнообразную растительность Дальнего Востока демонстрируют около двадцати устойчивых словосочетаний со словом *трав*: *белая, богородская, бравенькая, гусиная, грыжная, ефимкина, жёлтая, женская, желудочная, живая, конская, младенческая, сердечная* и др.

К достоинствам словаря (как первого, так и в большей степени второго издания) можно, на наш взгляд, отнести системный подход к подаче материала, богатую фразеологию, а также образность (коннотативность), присущую казачьему диалекту и «подмеченную» составителями словаря. К примеру, сведены в единую парадигму (перечисляются в конце словарной статьи) все синонимы к тому или иному слову: *гуранский чай – сливан – забела*. Только со словом *голова* связано больше десяти фразеологических единиц: *большая голова – ‘о главном человеке в семье’, в тёмную голову – ‘безрассудно’, голова два уха – ‘о простоватом человеке’* и др. Немало слов с прозрачной внутренней формой: *бегунец – ‘беговая лошадь’, отабуниться – ‘обзавестись детьми’, отгарцевать – ‘утратить прежнюю ловкость и силу’, растоптаться – ‘прийти в бодрое настроение’*. Много стилистически маркированных слов: *ветродуй, неодобр. – ‘ветренный человек’, фанзушка, пренебр. – ‘избушка’, жулик, шутол. – ‘бутылка водки емкостью 250 г’* и др.

Словарь русских говоров Приамурья уникален тем, что еще в первом издании толкование отдельных этнографизмов и профессионализмов сопровождалось иллюстрациями. В словаре 18 таблиц, в которых более ста рисунков, выполненных М.Я. Иконниковым и Г.А. Логиновым, в то время студентами пятого курса художественно-графического факультета Хабаровского педагогического института. Для создания этих рисунков они использовали и экспонаты Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова. Второе издание словаря (авторы-составители О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путьгина, Н.П. Шенкевец) содержит около 11 тысяч словарных статей.

Более двух десятилетий, с 1981 по 2006 годы, продолжали пополняться картотеки словаря двух дальневосточных вузов. Были включены в работу и дополнительные материалы, собранные преподавателем Биробиджанского педагогического института (ныне Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии) М.И. Бочкарниковой.

Если обратиться к статистике, то по материалам картотеки хабаровского вуза (ныне Дальневосточного государственного гуманитарного университета) сделано более полутора тысяч дополнений, исправлений и уточнений разного характера. Значительная часть их нашла реальное воплощение во втором издании словаря, а именно: включен дополнительный словарный и иллюстративный материал, уточнены отдельные значения лексем и границы их распространения, проведена существенная стратификация помет и системных связей лексических единиц. Еще больший объем работы пришелся на долю коллег из Благовещенского государственного педагогического университета, по инициативе которых состоялось второе издание словаря.

Известно, что уровень лексического материала словаря в конечном счете определяется уровнем развития языковедческой теории. Авторы-составители основательно пересмотрели лексикографические установки первого издания словаря и сочли возможным в целом их сохранить. Принципиальное отличие второго издания касается подачи фонематических, акцентологических и грамматических вариантов слова. Исходя из понятия тождества слова они включаются в одну словарную статью.

Существенно пересмотрены коннотативные признаки семантики описываемых лексических единиц (экспрессивность, эмоциональность), что нашло отражение в значительном расширении состава слов, получивших стилистические пометы. Круг коннотативных характеристик в словаре увеличился за счет введения помет: *одобр., экспр.-эмоц., эмоц.* Это позволило менее категорично определять в некоторых случаях дополнительную окрашенность лексем, столь характерную для устной речи, если контекст не позволяет определить ее точно: *веретёшка... 4. Перен. Экспр-эмоц. О непоседливом ребёнке. «Наша девка прямо веретёшка: непоседлива така, крутень».*

Заметно усилена системная направленность материала. Межсловные отношения (синонимические дублетные) показаны, как в первом издании, через помету *ср.* в конце словарной статьи. Но во втором издании эти ряды во многих случаях представлены в большем объеме: *жирник, устар.* 'Светильник, в котором горит жир или масло', *ср. жирница, жиравушка, коптило, коптушка, коптюшка.* Каждый синоним или дублет приводится и на своем алфавитном месте с отсылкой *то же, что.*

Определенной корректировке подверглись пометы, указывающие на динамику словарного состава: *устар.* (устаревшее), *нов.* (новое). Под влиянием экстрафакторов возвращаются в активный словарный запас диалекта некоторые слова и обороты, связанные с религиозными праздниками, обрядами: *Маслена, Масленка* 'Масленица'. Отдельные слова и обороты переходят в статус устаревших: *зайти в колхоз.* Есть словарные единицы, имеющие в первом издании пометку *нов.* и утратившие оттенок новизны в речи современных носителей диалекта: *разливнуха* 'вино, которое продается в розлив'. Однако точные границы динамики слов установить сложно. Это требует дополнительных наблюдений и дополнительной эмпирической базы.

В словаре не всегда последовательно дается помета *спец.* (специальное) и некоторые другие: *бегун... Спец.* 'дробильная машина'; *бранка...* 'машина для очистки зерна от верхней оболочки' (помета *спец.* отсутствует).

Справедливости ради нельзя не отметить, что в Словаре не всегда прослеживается единство в подаче словарных единиц, на предметно-понятийное ядро которых наслаивается качественно-количественная характеристика (экспрессивность). В одних случаях в толковании таких единиц она передается через мета-слова, указывающие на экспрессивные семы: *энергично, быстро, громко, долго, мало, тихо и др.: Стечь* 'сильно похудеть' (помета *экспр.* отсутствует); в других случаях – только через помету *экспр.:* *исстареть, экспр.* 'состариться'; в третьих, что считаем более рациональным, – используются оба способа: *набучкаться, экспр.* 'поработать много, чрезмерно'.

Некоторая несогласованность в работе авторского коллектива – составителей словаря – объясняется тем, что проводить работу на огромном

расстоянии как над первым, так и над вторым изданием оказалось делом трудным, но все же возможным. Об этом свидетельствуют высокие оценки второго издания Словаря русских говоров Приамурья, данные рецензентами Н.А. Лукьяновой, доктором филологических наук, профессором, зав. кафедрой общего и русского языкознания НГУ, и А.И. Федоровым, доктором филологических наук, профессором, главным научным сотрудником Сибирского отделения РАН.

Словарь – своеобразный справочник по истории народа. В нем есть слова, уходящие своими корнями в глубокую древность: например, *летось*, *лони* ‘В прошлом году’, *лопоть* ‘Одежда, обычно ветхая’ и производные от них: *летошный*; *лонись*, *лонишный*, *лончак* (*лоншак*, *лошак*, *лошук*), *лоншонок*; *лопотина*, *лопотушка*, *лопотинка* и др.

О контактах русских с местным населением в период освоения Приамурья (нанайцами, орочами) говорят довольно многие этнографизмы (некоторые из них приводились выше). Обычно они обретали целый ряд дублетных соответствий, имеющих славянские корни: *нанайка*, она же *орочонка*, а также *бат*, *батыга*, *батырь*, *долбанка*, *дуплянка* ‘лодка, выдолбленная из ствола дерева’.

Отдельные диалектные слова восходят к китайским корням (Китай – сопредельное государство): *фанзёшка*, *фанзушка* ‘избушка’ (Да я фанзёшку люблю срублю); *фанфуз* (*фунфуз*) ‘разбойник, грабитель; хунхуз’; *хана* (*ханжа*, *ханьжа*) ‘Китайская неочищенная водка; ханьшин’.

Но и без лишних слов ясно, что словарь утверждает вполне определенную исконность русских земель, расположенных на границе с Китаем по левобережью Верхнего и Среднего Амура, поскольку народный язык края – исконный, славянский. Достаточно только открыть словарь, чтобы в этом убедиться.

В целом материалы второго издания словаря существенно дополняют языковую картину мира русского Приамурья, которая не могла не измениться за четверть века после выхода в свет его первого издания. Миграция населения частично сказалась на функционировании диалекта приамурского казачества, не затронув его принципиальных основ. Усилились процессы взаимодействия подгрупп говоров, вовлечены в обследование некоторые крестьянские села, перемешавшиеся с бывшими казачьими станицами по Амуру, говоры старообрядцев (семейских), переселившихся из Забайкалья. Таким образом, историко-лингвистический подход в какой-то мере уступил место территориально-лингвистическому. Введены, где это позволяет собранный материал, элементы энциклопедического толкования, углубляющего социально-исторические и этнографические оценки лексем. Так, ср.: *плыть на жерновах* (устар. ‘домашняя ручная мельница’) ‘Шутливое выражение о сплаве переселенцев из Забайкалья на Амур’ (первое изд.); *плыть на жерновах*, устар. ‘Шутливое выражение о сплаве переселенцев из Забайкалья на Амур, так как переселялись со всем скарбом, домашними животными, разбирая дом, а затем соединяя эти бревна в плоты’ (2-е изд.).

Авторы-составители поставили своей целью по возможности не потерять ни одного диалектного слова, даже если оно подтверждено единственным примером, но при этом хорошо вписывается в языковую картину мира

забайкальского казачества: *детинец* ‘казак, которого не взяли на службу по состоянию здоровья’; *формить*, устар. ‘снаряжать казака на службу вместе с обмундированием и конем’; *пантавать* ‘обрабатывать молодые рога оленя – панты’ и др. Кроме того, право на фиксацию в словаре получили отдельные лексемы, оказавшиеся на тропе забвения. В этих случаях составители вынуждены были прибегнуть к вопросам: *какой?*, *какая?* и др., так как имеющиеся у них материалы не позволяли точно дифференцировать семантику этих словарных единиц. Но вряд ли можно было допустить, чтобы они исчезли из памяти народа навсегда: *закаблан* ‘старинный танец (какой?)’; *попаранки* ‘невысокая трава желтого цвета (какая?)’; *баскан-трава* ‘лекарственное растение (какое?)’; *костерь* ‘мука (из чего?)’.

Во втором издании словаря увеличен объем справочных материалов из рукописной **Словарной картотеки** дальневосточного краеведа Г.С. Новикова-Даурского (амурский госархив, фонд 958). Это стало возможным после опубликования картотеки (Благовещенск, 2003. 198 с.).

Первые записи сделаны Г.С. Новиковым на Амуре в 1926 г. в бывшей казачьей станице Черняево, а затем с 1931 по 1934 г. в селах по Амуру от Черняево до Благовещенска. Картотека помогает представить своеобразие русского слова на Амуре в начале XX в. и увидеть динамику языка. Ссылка на картотеку в словаре дается в конце словарной статьи, если лексемы в словаре и зафиксированные в картотеке Г.С. Новикова-Даурского полностью совпадают: *истопка* ‘дрова’... Нов.-Даур. В противном случае приводится соответствующая словарная единица из картотеки: *истополь* ‘охапка дров, необходимая для того, чтобы истопить печь’... Нов.-Даур.: *истопля*.

Такова общая характеристика Словаря русских говоров Приамурья, который в своем новом варианте, несомненно, будет востребован. Это истинная картина жизни русского Приамурья. В нем можно многое узнать о Дальневосточном крае. Это труд на века.

Ф.П. Иванова

Голев Н.Д. Морфология современного русского языка: Учебное пособие для студентов в формате «Ноотека». Кемерово, 2006. 208 с.

Морфология была и остается наиболее сложным в теоретическом и методическом аспектах разделом курса современного русского литературного языка. Поэтому каждое новое серьезное методическое произведение по этой дисциплине представляет большой интерес для специалистов и для студентов.

Но на фоне этого почтительного интереса к самому факту создания учебно-методического труда по морфологии современного русского языка рецензируемое учебное пособие обладает рядом свойств, которые делают его чрезвычайно ценным прежде всего в методическом и педагогическом отношении.

Начнем с того, что основной пафос этого произведения – воспитание «лингвистической личности», способной «самостоятельно ставить собствен-